

УДК 94(51)

ББК 63.3(54)6-9

П. К. Дашковский, И. А. Мейкшан

Изучение привилегированных социальных групп древних кочевников Центральной Азии в контексте развития отечественной нomaдологии в 1960-е — начале 1990-х гг.*

P. K. Dashkovsky, I. A. Meykshan

The Study of Privileged Social Groups of Ancient Nomads of Central Asia in the Context of the Soviet and Russian Nomads Studies in the 1960s — Early 1990s

Рассматриваются вопросы изучения привилегированных социальных групп древних кочевников в отечественной историографии в 1960-е — начале 1990-х гг. Отдельное внимание уделяется теоретическим концепциям нomaдизма С. А. Плетневой, А. М. Хазанова, Г. Е. Маркова, Н. Э. Масанова, Н. Н. Крадина, в рамках которых разрабатывались проблемы социально-политической организации нomaдов. Несмотря на господство в исторической науке марксистской методологии, ученые получили возможность познакомиться с другими теоретическими разработками (концепции вождества и раннего государства, мир-системный анализ, цивилизационный подход и др.). Исследование погребальных комплексов в Саяно-Алтае и Казахстане позволило существенно расширить источниковую базу по элите кочевников. Наибольшее распространение в данный период в советской науке получила теория раннеклассового общества (теория раннего государства). В научный оборот термин «элита» начинает входить только с начала 1990-х гг., вытесняя более традиционные термины «царь», «вождь», «аристократия», «знать»,

Ключевые слова историография, социально-политическая организация, кочевая элита, Центральная Азия, погребальные памятники, поздняя древность.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-28

В отечественной историографии период с 1960-х до начала 1990-х гг. является наиболее продуктивным в развитии советской археологии и кочевниковедения. В данный промежуток времени происходят широко-масштабные археологические исследования, проводятся многочисленные дискуссии, ставятся принципиально новые вопросы в области социально-политической организации нomaдов, формируются генеральные направления исследований, определивших в конечном итоге современный облик отечественной нomaдологии.

Новые исследования, обсуждения и дискуссии позволили скорректировать и уточнить многие положения

The article considers the issues of privileged social groups of ancient nomads studies in the Soviet and Russian historiography in the 1960s — early 1990s. Special attention is given to the theories of nomadism worked out by S. A. Pletneva, A. M. Khazanov, G. E. Markov, N. E. Masanov, N. N. Kradin in which the issues of social and political organization of the nomads were considered. Despite the predominance of Marxist methodology in historical research, scholars were able to practice other approaches (the concept of leadership and early states, world-system analysis, civilization approach, etc.). The study of the cemeteries in the Sayans and Altai Mountains and Kazakhstan enlarged the source basis on the elite of the nomads. During the period under study in the Soviet history the theory of early class society (the theory of the early state) was most popular. The term «elite» has been used by scholars only since early 1990s, replacing more traditional terms «tsar», «leader», «aristocracy», «nobility».

Key words: historiography, social and political organization, the nomadic elite, Central Asia, cemetery, late antiquity.

формационной теории применительно к историческим особенностям развития различных обществ. С 1960-х гг. историки стали все более оперировать не столько теоретическими установками, сколько конкретно-историческим материалом. Особенно ярко данные тенденции стали проявляться в кочевниковедческой археологии, в рамках которой шел интенсивный процесс накопления, систематизации и анализа источников. Ослабление идеологического давления в стране способствовало формированию относительно стабильных связей с зарубежными коллегами и научными центрами. Заметным явлением стали между-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья» (проект №13-31-01204).

народные научные конференции, конгрессы, форумы, которые стали «площадками» для обсуждения различных проблем и вопросов, прояснения методологических основ, демонстрации новых результатов. Советской научной общественности стали доступны зарубежные исследования, постепенно появляется переводная литература [1–3]. Примечательно, что в данный период появляется такое направление научной мысли, как критика «буржуазной науки». Несмотря на определенную специфику, это был в то время единственный легальный канал знакомства отечественных исследователей с достижениями западной историографии. Именно в такой интерпретации происходит проникновение в исследовательскую сферу идей элитизма и первых неполных переводов трудов Г. Моски, В. Парето и других классиков элитологии [4; 5], повлиявших на развитие социальной номадологии.

Следует также отметить, что исследователи социалистических стран Восточной Европы имели в определенной мере больше возможностей для диалога с западноевропейскими учеными. Это, в свою очередь, выступало дополнительным источником распространения концепций «буржуазных» историков, антропологов, социологов и политологов. В таких условиях осуществлять идеологический контроль за всей информацией, поступающей к ведущим научным специалистам СССР, было практически невозможно. Обозначенные процессы создавали дискуссионные площадки в границах уже существующих научных проблематик, позволяли реализацию инновационных методик и подходов в исторических и археологических исследованиях, применение новых методологических подходов (цивилизационный, структуралистский, антропологический подходы, неэволюционизм, мир-системный анализ). Таким образом, в 1960-е гг. происходят кардинальные изменения в развитии как отечественной исторической науки в целом, так и археологии в частности. Многообразие поступающей научной информации позволило в определенной степени преодолеть методологический кризис конца 1950-х гг. В то же время в научных и учебных кругах было немало консервативно настроенных ученых. Они не только количественно превосходили сторонников инновационных подходов, но и занимали ведущие положения в управлении научной сферой и выступали в защиту формационной концепции. Однако марксизм к данному моменту развивался уже более столетия, но при этом разрыв между теорией XIX в. и реалиями научной практики второй половины XX в. неуклонно возрастал. В этих условиях творческий поиск осуществлялся как в направлении дальнейшего развития марксистского подхода, так и в применении разработок зарубежных исследователей [2, с. 41–60; 3, с. 53–58].

Важную роль в изучении номадизма в рассматриваемый период занимают теоретические исследо-

вания, в том числе в области социо- и политогенеза кочевников. Заметное влияние на советское кочевниковедение оказала концепция эволюции кочевых обществ С. А. Плетневой [6; 7], в основе которой лежало представление о седентеризации как генеральной тенденции, определяющей общественное развитие номадов. В социально-экономической динамике кочевников исследовательница выделила три стадии: 1) «таборная»; 2) «полукочевая»; 3) «полуоседлая» [6, с. 180–183].

К началу 1980-х гг. концепция С. А. Плетневой была доработана в деталях и приобрела законченный вид. Результатом данных научных изысканий стало создание стадияльно-типологической схемы общественного развития кочевников. Каждая стадия кочевания представляла собой не только определенный этап феодализации, но и конкретную модель социально-политического устройства военная демократия, кочевая империя, каганат [8, с. 54–55, 60; 7, с. 78–123].

Предложенная С. А. Плетневой систематизация кочевнической истории показала возможности и перспективы соединения принципов марксизма с неортодоксальной схемой социально-политических изменений у номадов, которая лучше отражала специфику развития кочевников. Более того, концепция исследовательницы по существу устраняла из истории кочевников рабовладельческую формацию. Эволюция кочевых обществ предполагалась как переход от военной демократии через промежуточные формы («кочевые империи») к феодальной государственности (каганаты). В целом, признавая определенные достоинства концепции С. А. Плетневой, исследователи указывали и на существенные противоречия, терминологическую путаницу и не вполне адекватные оценки уровня социального развития некоторых кочевых объединений [2, с. 54–56].

Не менее значимой в тот период явилась концепция А. М. Хазанова [9], который, анализируя специфику социально-политической организации кочевников, отмечал их однотипность, сходство многих элементов общественной структуры и социальных институтов. Исследователь признавал наличие существенной дифференциации кочевого общества (рабы, свободные номады, аристократия, царский род), однако последующее развитие процесса классовообразования, по его мнению, блокировалось экстенсивной кочевой экономикой, не способной воспроизвести качественно новые социальные страты. В политическом отношении А. М. Хазанов определял несколько форм организации власти номадов [9, с. 217, 228–233, 237–238].

Следует подчеркнуть, что наиболее развитые государства кочевников А. М. Хазанов связывал со «способностью» кочевой аристократии стать господствующим классом земледельческого населения. Однако даже в подобных случаях социальная струк-

тура остальных кочевников не подвергалась существенным изменениям. Таким образом, возникновение у кочевников государственности, ее формы и особенности определялись условиями кочевничьего производства, а также взаимоотношениями кочевников с оседло-земледельческими и городскими областями. Ограниченные возможности экстенсивного кочевого хозяйства ставили предел социальному развитию [9, с. 244, 251]. В целом отличие кочевых обществ от других раннеклассовых социумов, по мнению А. М. Хазанова, заключалось в своеобразном «пороге» классовости, который не могли преодолеть номады, в то время как у земледельцев развитие сословно-классовой структуры рассматривалось как норма эволюции.

Раннеклассовая теория была поддержана В. М. Масоном, А. И. Тереножкиным, Е. П. Бунятыным, А. И. Мартыновым и другими учеными, обращавшимися к изучению конкретных кочевых эпох, археологических культур и целых периодов в истории номадов. При этом отмечалось, что термин «раннеклассовый» требовал уточнения и более четкого определения [10, с. 169]. По существу основные параметры данной теории были доработаны в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (см., например: [11]).

Одновременно с С. А. Плетневой и А. М. Хазановым проблемами номадизма занимался Г. Е. Марков, который, опираясь на многочисленный материал различных групп источников по истории кочевых народов, пришел к выводу, что у номадов динамика социально-политических изменений имеет циклический характер [12, с. 313]. Исследователь выделяет два агрегатных цикла — «общинно-кочевой» и «военно-кочевой». При этом изменения общественной организации из одного состояния в другое и обратно зависят от внешних факторов (военные походы, переселения и др.). При наличии внешних катализаторов, общественная организация кочевников приобретала новые черты — возрастало единство племени, происходило преобразование высших звеньев племенной структуры в реальные военные соединения и политические образования, появлялись централизованная власть вождей и аппарат управления. Усиление стратификации кочевого общества и появление единого лидера приводило к возникновению централизованного политического образования — «кочевой империи» [12, с. 312].

В то же время нужно обратить внимание на то, что концепция Г. Е. Маркова не лишена определенных противоречий. Так, с одной стороны, исходными факторами возникновения империй он считал внешние — войну и миграции, а структурно империя оформлялась с целью ответа на эти «вызовы». С другой стороны, ученый без серьезной аргументации отмечал, что имперские объединения кочевников существовали для грабежа и завоеваний в интересах

«верхушки кочевого общества» (военных и племенных предводителей). По мере «распадения империи и децентрализации племен» власть и влияние «военно-племенных предводителей ослабевают» и следует крах имперской организации.

В 1980-е гг. еще одну концепцию социально-политической динамики кочевников предложил Н. Э. Масанов. В общественном развитии номадов исследователь выявил противоборство двух тенденций — «дисперсности», выступающей в необходимости рассеивать скот в процессе кочевания, и «относительной концентрации», необходимой для регулирования внутренних и внешнеполитических отношений. В соответствии с данными тенденциями социальная организация кочевников рассматривалась как иерархия самостоятельно функционирующих и взаимодействующих между собой разноразмерных структур: «биосоциальной», «социальной» и «государственно-административной» [13, с. 20–26].

Параллельно с теоретическими разработками в номадологии шел интенсивный процесс изучения и интерпретации как новых, так и ранее раскопанных элитных погребальных памятников кочевников Центральной Азии скифского и гунно-сарматского периодов. Исследуются уникальные элитные памятники скифского времени на могильниках Чиликты, Бешатыр, Иссык в Казахстане [14; 15], Аржан в Туве [16]. Публикуются материалы из ранее раскопанного и доисследованного уже в 1950-е гг. кургана пазырыкской культуры на могильнике Берель в Восточном Казахстане [17]. Важное значение для номадологии становится полная публикация исследованного в середине 1920-х гг. могильника хуннуской аристократии Ноин-Ула в Монголии [18]. Классическими становятся монографии С. И. Руденко [19–21] и М. П. Грязнова [22], посвященные результатам интерпретации элитных комплексов пазырыкской культуры Пазырык, Башадар, Туэкта, Шибэ, раскопанных на Алтае.

Введение в научный оборот представительной серии «царских» курганов скифского и гунно-сарматского периода позволило ученым более обстоятельно подойти к вопросам социально-политической организации кочевников. К тому же развернувшиеся в Саяно-Алтае и Казахстане широкомащтабные археологические исследования в связи с хозяйственным освоением обширных территорий (строительство ГЭС, мелиорационных систем, водохранилищ, дорог и др.) привело к раскопкам сотен курганов рядовых кочевников, которые заметно контрастировали с погребениями «вождей» и «знати». Это обстоятельство давало основания и для более глубокого рассмотрения проблемы роли правящего класса в социальной структуре кочевых обществ. Несмотря на сохранение классового подхода при изучении социальной истории, тем не менее, ученые, опираясь на археологические данные, могли более обоснованно ука-

зывать на сложность общественных отношений кочевников, а не формально делить общество на класс эксплуататоров (правлящий класс) и эксплуатируемый (основная масса населения). В данном случае показательные реконструкции социальной структуры центрально-азиатских кочевников, предпринятые в 1970-х гг. А. Д. Грачом, который исходил из того, что население Южной Сибири и сопредельных территорий представляло собой «широкую общность родственными этническими групп». Общей чертой стратификации кочевников были три социальные группы: «цари», «родовая, дружинная аристократия», «рядовые кочевники» [23, с. 161–164; 24, с. 46–47]. Учитывая, что типология ученого была опубликована до выхода работ В. М. Массона, А. И. Тереножкина, Б. Н. Мозолева, Г. Н. Курочкина, Е. П. Бунятян, Г. Ф. Генинга, А. С. Суразакова, посвященных или затрагивавших вопросы социальной типологии погребений кочевников, выделение А. Д. Грачом родовой дружинной аристократии имело важное методологическое значение в отходе от упрощенных представлений о социальной структуре ранних кочевников.

В 1960 г. Восточно-Казахстанской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством С. С. Черникова был исследован курган № 5 центрального могильника Чиликтинской долины. По внешним параметрам насыпи, могильной конструкции и сопроводительному инвентарю, данный памятник относится к числу «царских» погребальных сооружений. Несмотря на уникальность находок, автор не предпринимает возможных социально-политических реконструкций, ограничиваясь выводами о происхождении скифского искусства. Тем не менее исследователь признает высокий социальный ранг погребенного лица, определяя его как «могущественного вождя ранних кочевников» [14, с. 67].

Новый импульс изучению привилегированного слоя кочевников был дан благодаря исследованию М. П. Грязновым кургана Аржан в Туве в начале 1970-х гг. Ученый отмечал ключевую роль данного памятника в изучении развития социально-политических отношений в Саяно-Алтайском регионе. В центральной могиле погребального объекта, по мнению исследователя, был погребен «царь», глава политического образования. Об этом свидетельствуют многочисленные «дары» от подвластных племен, а так же сопроводительные погребения свиты, высокопоставленных должностных лиц [25, с. 45–50].

Впоследствии материалы Аржана интерпретировались учеными по-разному. Н. А. Боковенко [26, с. 71–72], развивая идеи М. П. Грязнова, полагал, что погребенный в центральной камере человек был верховным правителем, соединявшим в себе военные, политические и религиозные функции. Г. Н. Курочкин [27, с. 21] определял

аржанского «царя» как основателя военно-политической коалиции центральноазиатских племен.

Не менее значимым событием в номунологии стало изучение в 1969–1970 гг. под руководством К. А. Акишева кургана Иссык в Казахстане, который получил всемирную известность благодаря находке нетронутого погребения «золотого человека», царя социально-политического объединения Семиречья. Ученый подчеркнул, что наличие большого числа «царских» погребальных памятников свидетельствует о существовании резкой социальной дифференциации у саков Семиречья в VII–IV вв. до н.э., выделению племенной знати и появлению наследования верховной власти [15, с. 71–72].

Согласно точке зрения К. А. Акишева, находка «золотого человека» свидетельствовала о том, что можно говорить о сакских царях без кавычек. Он считал, что золотые одежды преследовали политико-пропагандистские цели. Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора указывало не только на посмертное, но и прижизненное обожествление царя-жреца, воплощавшего образ Митры. Курган вождя, как представлял ученый, являлся своеобразным символом единства, центром страны и мира саков [15, с. 56–57; 28, с. 24–25].

Оценка социально-политической элиты кочевников по археологическим данным давалась и другими учеными. Так, А. С. Васютин и С. В. Мокрынин вслед за другими учеными считали основным критерием отнесения погребений к «царским» их масштабность. Проведя сопоставление размеров различных погребальных комплексов «царского» типа, исследователи отметили, что в каждой этнокультурной зоне (Тува, Казахстан, Алтай, Ачинско-Минусинская лесостепь) подобные захоронения не были одинаковыми по своим размерам и по затратам общественно необходимого труда на их сооружение. Ученые пришли к выводу, что сравнение «царских» погребений внутри и вне каждой из зон относительно [29, с. 61–62].

Кроме элитных погребальных памятников в рассматриваемый период продолжалось изучение многими археологами погребений «рядовых» кочевников, материалы которых дополняли источниковую базу палеосоциологических реконструкций в археологии. Изучение особенностей погребальных сооружений, состава инвентаря, гендерных характеристик умерших позволяет ранжировать погребальные объекты по различным показателям общественной дифференциации. В археологии окончательно формируется фундаментальный принцип, согласно которому ценность и качество инвентарного комплекса, а также масштабность погребальной обрядности прямо пропорциональны социальному статусу погребенного лица. Вместе с увеличением фактической базы материальных источников по истории и культуре кочевников Центральной Азии поздней древности постепенно

формируется представление о наличии маркирующих предметов и вещей, которые указывают на высокий социальный статус их владельца [30, с. 182; 31; 32, с. 21; 33, с. 29; 34, с. 104].

В 1980-е — начале 1990-х гг. наступает своеобразный апофеоз в области социальной номиналогии, поскольку в научный оборот вводятся материалы сотен памятников кочевников. В предлагаемых учеными социальных реконструкциях определенное внимание уделялось характеристике привилегированных социальных групп номадов. Так, ценный вклад в социальную интерпретацию материалов погребений пазырыкской культуры внес А. С. Суразаков [35]. Учитывая предшествующие теоретические разработки в области социальной организации номадов, исследователь выделил для дифференциации погребений такие критерии, как размер насыпи, состав инвентаря, сопроводительные захоронения животных и т. д. В своей модели общественной реконструкции автор обозначил четыре социальных слоя «пазырыкцев», два из которых являлись привилегированными (племенная аристократия, вожди племен). А. С. Суразаков [35, с. 73–75, 86] также обратил внимание на то, что родоплеменная знать сосредоточивала в своих руках внешнеполитические отношения, торговлю, военные и сакральные функции.

Не осталась в стороне в рассматриваемый период и социальная организация хуннуского общества. При изучении планиграфии хуннуских погребальных комплексов С. С. Миняевым [36] было выявлено, что представляется возможным разделение памятников кочевников по различным признакам на несколько групп, которые не связаны с половозрастной структурой населения, а отражают именно социальную стратификацию хуннуского общества. Центром каждого комплекса является курган с каменной кладкой, вокруг которого располагаются более бедные и не имеющие внешних признаков погребения. При наличии в группе нескольких комплексов всегда выделяется центральный, имеющий более масштабную конструкцию погребального сооружения.

Комплексная публикация материалов раскопок курганов пазырыкской культуры В. Д. Кубаревым [32–34] в Юго-Восточном Алтае также значительно дополнила реконструкции новыми данными по изучению социальных маркеров в структуре погребального сооружения и инвентаря. Суммируя материалы различных погребальных комплексов пазырыкской культуры Алтая, автор приходит к выводу, что наиболее значимыми маркерами социального статуса являются погребальные ложа, а также диадемы, сакральные фигурки мифических животных, гривна, наборный пояс с оружием и подвесками в виде рыбы [32, с. 21; 33, с. 29; 34, с. 104]. Следует отметить, что В. Д. Кубарев не придавал главенствующую роль в общественной дифференциации и формированию властных струк-

тур экономическому превосходству, но рассматривал социально-политическую динамику в контексте критических отношений. Обращает на себя внимание и то, что В. Д. Кубарев [34, с. 104] одним из первых отечественных кочевниковедов употребляет термин «элита» при характеристике высших слоев кочевого общества.

Изучение элиты кочевых обществ Центральной Азии неизменно ставило перед учеными вопрос о взаимодействии номадов и земледельческих обществ. Уже в середине 1970-х гг. А. М. Хазанов [9] отмечал, что наиболее развитые государственные образования номадов характеризуются способностью кочевой аристократии стать господствующим классом земледельческого населения. Социально-политические аспекты взаимодействия кочевых и оседлых культур нашли также отражение в исследованиях Б. В. Андрианова [37, с. 17–21], В. М. Массона [38, с. 88–89], Д. Г. Савинова [39, с. 305–308] и других специалистов. Исследователи признавали ведущую роль взаимоотношений кочевников с земледельческой цивилизацией в развитии политической культуры, военной и административной организации номадов, стимулировании процессов социальной динамики.

В конце 1980-х гг. к рассматриваемой проблематике обращается Н. Н. Крадин. Ученым была высказана идея экзополитарного способа производства, при котором недостаток внутренних экономических ресурсов кочевого общества компенсировался за счет внешней эксплуатации земледельческих обществ. Данные внешние источники ресурсов, а также средства их достижения (войны) определяли консолидацию номадов в сложные военно-политические структуры. Подводя итог многочисленным исследованиям в области социально-политической организации, Н. Н. Крадин [40, с. 21] формулирует понятие «кочевой империи» как сложной, занимающей относительно большое пространство общественной системы, состоящей из кочевого «ядра», имеющей форму иерархической пирамидальной структуры, при сравнительно неразвитой внутренней эксплуатации, и зависимой территории кочевых и земледельческих обществ, эксплуатирующихся посредством данничества.

Исследователем была сформирована типология кочевых империй, основанная на специфике социально-политического устройства, а также особенностях экзополитарных отношений номадов [41, с. 22]. Во многом эта типология имеет общие позиции с концепциями С. А. Плетневой и А. М. Хазанова. Однако в данном случае основанием для классификации служат показатели отличительного способа внешней эксплуатации, представленного в рамках мир-системного подхода. В целом, в творчестве Н. Н. Крадина находит свое логическое завершение результат исследовательского поиска отечественных ученых 1960–1990-х гг. Не случайно концепция социально-политического раз-

вития номадов имеет многие параллели в работах ученых предшествующих десятилетий. Введение понятия «экзополитарный способ производства» как важнейшего механизма жизнеобеспечения социума номадов снимает проблему внутренней эксплуатации и получения прибавочного продукта. Образование кочевой империи обеспечивает мобилизацию внутренних сил кочевников, формирование централизованной власти и появление «правлящей элиты», находящейся в рамках надплеменных структур кочевой конфедерации.

Таким образом, в отечественной историографии 1960-х — начала 1990-х гг. обозначились разнообразные подходы в изучении и интерпретации социально-политического устройства кочевых обществ Центральной Азии эпохи поздней древности. Следует отметить, что в отличие от 1930–1950-х гг. в рассматриваемое время ученые значительное внимание уделяют теоретическим разработкам. Несомненно, что идеологическое воздействие накладывало свой отпечаток на результаты подобных реконструкций. Однако постепенно возникает понимание и главное — возможность творческого восприятия марксистских принципов интерпретации исторического процесса. Кроме того, появляется возможность привлечения методологических подходов, применявшихся зарубежными учеными (концепции вождества и раннего государства, мир-системный анализ, цивилизационный, социально-антропологический подход и др.). К концу рассматриваемого периода реальностью становится научный плюрализм как в исторической науке в целом, так и в кочевниковедении в частности.

Следует также подчеркнуть, что в данный период в большинстве теоретических концепций социо- и политогенеза номадов Центральной Азии присутствуют попытки наиболее адекватно «вписать» историческое развитие кочевых обществ в традиционную пятичленку. Одним из результатов данной работы стала концепция раннеклассового государства («раннегосударственного общества»). В то же время «раннеклассовая» характеристика обладала рядом важных недостатков. Во-первых, определение социальных систем номадов как раннеклассовых совершенно оставляло без внимания проблему особенностей социального развития кочевников на фоне других раннеклассовых обществ, прежде всего земледельческих. Во-вторых, все они вне зависимости от масштабности и численности населения, локальности или имперского характера объединений, наличия или отсутствия под контролем номадов земледельцев и прочего оценивались как раннеклассовые.

Наряду с концепцией раннеклассового общества среди исследователей укоренилось мнение о схожести социальной организации номадов Древности и Средневековья (Г. Е. Марков, А. М. Хазанов, И. В. Пьянков, А. Д. Грач, С. Е. Толыбеков, Н. Н. Крадин и др.) и форм их эволюции (Л. Н. Гумилев,

С. А. Плетнева, Н. Э. Масанов и др.). Особенно часто подчеркивалась взаимосвязь и аналогии социальных систем хунну и средневековых кочевых государств Центральной Азии (Д. Г. Савинов, Ю. С. Худяков, А. И. Мартынов). Наконец, формирование и развитие идеи «кочевой империи» как законченной социально-политической системы (Н. Н. Крадин) в некоторой степени положило конец долгим дискуссиям предшествующих десятилетий.

Не менее важным для изучения роли элиты в кочевом обществе оставался вопрос о государственности у номадов. Сторонники ортодоксального марксизма [7; 42; 43] полагали, что государственность была преимущественно у средневековых кочевников и именно в виде феодального государства. Альтернативная точка зрения Г. Е. Маркова [12], Н. Э. Массанова [13] предполагала, что номады могли достигнуть в своем социальном развитии только предклассового уровня. Третья группа ученых [44–46] полагала, что в раннеклассовых обществах кочевников процессы политической интеграции опережали складывание сословно-классовой системы, и поэтому государственность могла существовать уже в скифскую эпоху. С последней точкой зрения были не согласны М. П. Грязнов [47, с. 5], М. И. Артамонов [48, с. 13], Н. А. Боковенко [49, с. 53], Е. П. Бунятян [50]. Наконец, четвертая позиция была обозначена А. М. Хазановым [9] и Н. Н. Крадиным [51], которые полагали, что предклассовые и раннеклассовые социумы номадов могли трансформироваться в более сложные общества с переходом к государству только в ходе взаимодействия с оседло-земледельческими народами или в результате завоевания последних кочевниками.

Нельзя не констатировать, что значительную роль в рассматриваемый период приобретает изучение палеосоциологических процессов именно по археологическим данным. При этом внимание ученых сосредоточивалось не только на «царских» погребальных комплексах, но и на погребениях «рядовых» кочевников. Постепенно формируются совокупности социальных маркеров как самих памятников (исходя из внешних характеристик объекта), так и умерших людей (исходя из состава погребального инвентаря). В социальной археологии поздней древности окончательно складывается принцип прямой пропорциональности трудозатрат, необходимых на сооружение погребальной конструкции, а также ценности сопроводительного инвентаря, и социальный статусом погребенного лица.

Несмотря на значительные успехи в области социальной номадологии, тем не менее, необходимо отметить, что в данный период проблематика кочевой элиты не выделялась в самостоятельное исследовательское поле. Внимание ученых по-прежнему было сфокусировано на таких категориях, как «царь», «вождь», «аристократия», «знать», хотя советские

ученые и получили возможность благодаря критическим, но значимым работам Г. К. Ашина познакомиться с зарубежной элитологией. При этом репрезентативность археологического материала и перевод китайских источников (прежде всего по истории хунну) демонстрировали сложность социальной организации номадов и наличие даже в рамках превелигированной части кочевников скифской эпохи не менее двух социальных групп. Несмотря на то, что термин «элита» не использовался отечественными учеными

до начала 1990-х гг., тем не менее, при характеристике правящего класса по сути указывались те же системообразующие функции, которые определяли развитие кочевого социума. В целом следует подчеркнуть, что именно в рассматриваемый период сформирована разнообразная источниковая база, которая уже на современном этапе позволила ученым обозначить феномен кочевой элиты как объект специально-исследования.

Библиографический список

1. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. — СПб., 1993.
2. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2009.
3. Дашковский П. К. Мирозрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2011.
4. Ашин Г. К. Миф об элите и «массовом обществе». — М., 1966.
5. Ашин Г. К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. — М., 1978.
6. Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА. — № 142. — М., 1967.
7. Плетнева С. А. Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей. — М., 1982.
8. Плетнева С. А. Закономерности развития кочевых обществ в эпоху средневековья // Вопросы истории. — 1981. — № 6.
9. Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. — М., 1975.
10. Куббель Л. Е. Рец. на кн.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. (М., 1975) // Советская этнография (СЭ). — 1978. — № 6.
11. Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). — Киев, 1989.
12. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. — М., 1976.
13. Масанов Н. Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск, 1986.
14. Черников С. С. Загадка Золотого кургана. — М., 1965.
15. Акишев К. А. Курганы Иссык: Искусство саков Казахстана. — М., 1978.
16. Грач А. Д. Древнетюрские изваяния Тувы (по материалам исследования 1953–1960 гг.) — М., 1961.
17. Сорокин С. С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. — Л., 1969. — Т. X.
18. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.
19. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. — М.; Л., 1952.
20. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953.
21. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л., 1960.
22. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950.
23. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980.
24. Грач А. Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. — М., 1975.
25. Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. — Л., 1980.
26. Боковенко Н. А. Царский курган Аржан. Вопросы интерпретации // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Досоветский период. — Новосибирск, 1988. — Вып. I.
27. Курочкин Г. Н. «Царские» курганы европейской и азиатской Скифии (сравнительный анализ и возможности исторических реконструкций) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. — СПб., 1991.
28. Акишев К. А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. — V в. н.э.): научный докл., представленный в качестве дис.... д-ра ист. наук. — М., 1986.
29. Васютин А. С., Мокрынин С. В. Сакские курганы царского типа Прииссыкулья // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и обществен-

ные отношения) : тез. докл. Всесоюз. археол. конф. — Кемерово, 1989. Ч. I.

30. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. — Л., 1978.

31. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. — Новосибирск, 1990.

32. В.Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987.

33. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991.

34. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. — Новосибирск, 1992.

35. Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1983.

36. Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. — Кемерово, 1989.

37. Андрианов Б.В. Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989.

38. Массон В.М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989.

39. Савинов Д.Г. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989.

40. Крадин Н.Н. Экзополитарный способ эксплуатации в обществе кочевников // Проблемы исторической интерпре-

тации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск, 1990.

41. Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). — Кемерово, 1989. — Ч. I.

42. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.

43. Златкин И.Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М., 1982.

44. Граков Б.Н. Скифы: научно-популярный очерк. — М., 1971.

45. Шелов Д.Б. Социальное развитие скифского общества // вопросы истории. — 1972. — № 3.

46. Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири (к постановке проблемы) // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. — Кемерово, 1986.

47. Грязнов М.П. О едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства : тез. докл. Всесоюз. археол. конф. — Кемерово, 1979.

48. Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. — Л., 1977.

49. Боковенко Н.А. Ранние кочевники по археологическим и этнографическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981.

50. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). — Киев, 1985.

51. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). — Владивосток, 1992.